

«Ничего, мы еще успеем»

25 лет назад произошла авиакатастрофа, в которой погиб основатель холдинга «Совершенно секретно» журналист Артем Боровик

Президент медиа-холдинга «Совершенно секретно» Артем Боровик на пресс-конференции, посвященной вопросам проведения празднования 850-летия Москвы. Фото: Франк Вильягра / Коммерсантъ

18:06, 12 марта 2025,

Андрей Калитин

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

25 лет назад Артем улетел. Когда тем утром 9 марта произошла катастрофа, и все медиа страны сообщили о том, что самолет, летевший в Киев из Внуково, потерпел крушение и на борту Артем Боровик, мы, журналисты «Совершенно Секретно», не поверили. Самолет упасть мог, Артем — нет.

В медиа тогда было много штампов, главный из которых — «погиб на взлете». Одному из самых известных журналистов страны, звезде программы «Взгляд», ученику Юлиана Семенова, основателю медиахолдинга «СовСекретно», за спиной которого были репортажи из Афганистана и служба в армии США, было всего 40. Его телефон всегда разрывался: Юрий Лужков звонил посоветоваться, Александр Коржаков — о чем-то спросить, Евгений Примаков — просто так, а Руперт Мэрдок просил о переговорах — он хотел купить холдинг, но ему не продали. К Артему в редакцию, из окон которой на Большой Полянке был виден Кремль, всегда кто-то приезжал: ветераны Афгана, американские журналисты, бывшие послы СССР во всем мире, генералы. Ему со всеми было интересно, он говорил с ними, выспрашивал, жил их заботами и воспоминаниями. И поэтому все время опаздывал на следующую встречу. Почему он не опоздал на тот самолет утром в марте 2000-го?

Погиб на взлете — это не про Артема, нет. Он в принципе жил как будто летел. Он мог летать и без самолета. Взлет — это про всю страну. Артем был символом какой-то новой России —

прекрасно говорил на трех языках, его книги издавали за рубежом, он возглавлял газету журналистских исследований, часть тиража которой уходила в библиотеку Конгресса, он собирался идти в политику, впереди была вся жизнь. Мы шли

рядом, и нам тоже казалось — все впереди. А потом — рейс в Киев.

Артем очень много читал, он был всеяден — от Маркеса и (конечно) Хемингуэя до политических мемуаров посла Добрынина в США и дипломата Трояновского. Карибский кризис вообще был его любимой темой, и он часто шутил: если бы у «СовСека» был информатор уровня замдиректора ФБР, мы бы получили не один Пулитцер, как WP, а сотни: у нас ведь «Уотгрейт» — каждую неделю. Почему он был так увлечен историей? Потому что она имеет обыкновение повторяться, говорил Артем. Он был скорее персонажем фильма JFK или «Вся президентская рать», а не просто российским журналистом переломного времени. Но фильм кончился, в титрах под песню Синатры «My way» — его уникальная биография и как раз этот штамп «погиб на взлете». Но за этой фразой — надежды, азарт и мечты целого поколения и целой страны. Нам казалось, мы взлетали. Мы жили с улыбкой. Но потом произошла катастрофа. И в новой стране, в которой повторилось все старое, нет места ни медиа, ни Синатре, ни политики, ни Пулитцеру, ни даже статуэтке ТЭФИ, которую мы получили в 1999-м без него, улетевшего в командировку, а он сказал — ничего, я еще успею. Не успели все мы. И остались где-то на окраине Внуково. А туда, куда Артем летел на переговоры, полетели ракеты.

Самолет «Як-40», потерпевший катастрофу в аэропорту «Шереметьево 1», 9 марта 2000 года. В числе погибших был президент медиа-холдинга «Совершенно секретно» Артем Боровик. Фото: Ольга Ратькова / ТАСС

Прощание с Артемом проходило в ЦДЛ. Он действительно был большим литератором, а не репортером. «Совершенно Секретно» в том виде и в той форме, как он представлял себе настоящий медиахолдинг, — это глубокий, длинный роман о любимой стране с особой трагичной драматургией, где нет хеппи-энда. Есть только надежда, которая даруется в финале тем, кто дочитал до конца. В ЦДЛ тем утром было так много людей, что мне пришлось выйти из зала прощания на улицу, чтобы встретить у входа большого друга газеты — Дмитрия Муратова* — и как-то вдоль стен и коридоров внутрь мы зашли вместе. Таким было ощущение того времени — нам казалось, что все медиа — вместе. Мы были в этом уверены. Именно поэтому после смерти Димы Холодова в 1994-м мы сняли с эфира запланированный выпуск и сделали программу про коррупцию в ЗГВ — последнюю тему Димы. «Это только начало», — сказал мне потом Юра Щекочихин, и я не рискнул уточнить, начало чего. А Юра не успел сказать, хотя все последующие 10 лет мы постоянно общались. Пока трагедия не

случилась и с ним.

Прощальное видео с Артемом для эфира в тот день мы сделали под песню «My way» не потому даже, что Артем любил Фрэнка Синатру, и не потому, что эта песня — прощание. Наверное, где-то в глубине души мы понимали, что выбранный путь — самое главное, что есть в жизни. Иногда мы останавливаемся, иногда мы с него сходим, чтобы потом вернуться, спотыкаемся, падаем, но путь — один. Немногие смогли пройти его до конца, мало кто идет по нему сейчас. Но примеры есть, мы их знаем.

Я иногда спрашиваю себя, а что бы они делали сейчас — Артем и Влад Листьев, которые дружили еще со «Взгляда» и которых я не успел в 90-х спросить о том, чего тогда мы не знали про 2020-е. Точного ответа у меня нет. Но я не вижу их на экранах федеральных каналов, конечно. Артем погиб в той стране, которой нет больше. Как нет и рейса в Киев из Внуково. Но может быть, есть шанс что-то изменить? Ничего, мы еще успеем. Он бы сейчас сказал именно так.

Андрей Калитин, журналист *«Совершенно Секретно»*,
специально для *«Новой газеты»* с благодарностью за все то, что
было давно

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».